

Пресс-конференция Президента СССР

НАРОДНАЯ
ПРЕССА

АПАЗЫЦЫ КРЫТКУЕ

Прадстаўнікі апазыцыі Украіны крытыкуюць прэзідэнта рэспублікі Краўчука за тое, што ён не асудзіў публічна дзяржаўны пераварот.

УДЗЯЧНАСЦЬ ЕЛЬЦЫНА

Міхail Гарбачоў правёў учора гадзіну сустрэчы з Барысам Ельцыным, на якой прызнаў ключавую ролю расійскага кіраўніка ў процістаянні пачатку.

СТРАТЫ КАМУНІСТАЎ

Супрацоўнікі літоўскай паліцыі занялі будынак Кампарты Літвы.

Парламент Латвіі аб'явіў аб нацыяналізацыі ўласнасці Кампарты Латвіі.

РОЗНАЕ

Як паведаміў на сустрэчы з расійскімі народнымі дэпутатамі Міхail Гарбачоў, прынятае рашэнне аб прызначэнні на пасаду міністра абароны СССР цяперашняга першага намесніка камандуючага ВПС — ШАПАШНИКАВА — на пасаду старшын КДБ — БАКАШНИКА, члена Савета Бяспекі — на пасаду міністра Внутраных спраў — краіны — БАРАНІКАВА, цяперашняга міністра МУС РСФСР.

Прэзідэнт Украіны Краўчук заявіў, што застанецца членам КПСС, але будзе падтрымліваць стварэнне ўкраінскай нацыянальнай гвардыі.

Прэзідэнт СССР прыняў, што ўсе дэяні ўрада і парламента Расіі ў тых надзвычайных умовах, у якіх апынулася краіна, былі свечасовымі і дэяніымі.

Учора Прэзідэнт Расіі Барыс Ельцын падпісаў Указ аб прыпыненні дэяніасці Кампарты Расіі да ўхвалення аб'явы ўдзелу ў дзяржаўным перавароце.

82 сумленныя дэпутаты

Даведзены са срочкай масавай інфармацыі, што 24 жніўня пачынае работу нечарговая пятая сесія Вярхоўнага Савета Беларускай ССР XII склікання.

Алесь КАРАЧУН.

г. Мінск.

Выконваем таксама просьбу іншых чытачоў нашай газеты, якія звярнулі ў рэдакцыю па гэтым пытанню. Вось прыводзіць дэпутатаў, якія падтрымалі тэрміновага склікання сесіі.

1. Пазыняк З. С.
2. Голубев В. Ф.
3. Баршчэўскі Л. П.
4. Слабачанка С. І.
5. Станкевіч У. М.
6. Папкоў С. П.
7. Дзевка Л. І.
8. Гонтэр Б. Д.
9. Салодкі П. В.
10. Крыжановскі М. К.
11. Шухчэўскі С. С.
12. Трусаў А. А.
13. Ганчар В. І.
14. Навікаў Я. В.
15. Малашка В. А.
16. Зяблоскі У. М.
17. Антончык С. А.
18. Навушчык С. І.
19. Какоўка В. Ф.
20. Лукашэвіч А. Р.
21. Даўгаліў В. Б.
22. Даўгаліў А. У.
23. Саламееў М. А.
24. Пумарай Я. А.
25. Сукач М. Д.
26. Зяленін В. І.
27. Лукашэў А. В.
28. Зяленіў Л. У.
29. Сямідзянава Г. Г.
30. Сасноў А. В.
31. Тарасенка Л. Р.
32. Шут А. А.
33. Сярэдні І. П.
34. Пярэч І. П.
35. Курдюкоў В. М.
36. Волкаў А. Я.
37. Галубовіч В. М.
38. Сярдэч В. К.
39. Зявэрэў Л. А.
40. Драбінская І. М.
41. Шаўноў У. М.
42. Аксаміт М. А.
43. Уласенка В. С.
44. Холма П. І.
45. Карпенка Г. Д.
46. Валочнін Г. А.
47. Курбаў П. Д.
48. Шапін П. Д.
49. Фарфел М. А.
50. Шапін А. Я.
51. Радзівіцкі В. А.
52. Шапін В. М.
53. Турок А. М.
54. Малахоўскі А. К.
55. Язюлін Я. М.
56. Германчук І. І.
57. Язюлін С. У.
58. Бельніч Ю. А.
59. Галубовіч Я. М.
60. Ермалаў В. С.
61. Новік У. У.
62. Грушаў Г. У.
63. Адамчэў В. П.
64. Хітрык У. А.
65. Булахаў Д. П.
66. Карпаў А. А.
67. Багаўцоў Э. А.
68. Летка А. А.
69. Варабей В. С.
70. Мацкевіч М. У.
71. Бабацкі С. У.
72. Апашкі А. М.
73. Пячэжнік У. І.
74. Мацкоўскі В. П.
75. Кузьма А. Ф.
76. Сямашка І. І.
77. Спігінцаў А. Ф.
78. Драгун П. С.
79. Карпенка А. Я.
80. Барысенка А. Я.
81. Дзівікоўскі А. А.
82. Бродскі І. С.

22 августа в Москве состоялась пресс-конференция Президента СССР М. С. Горбачева. Обращаясь к журналистам, он сказал:

За шесть с лишним лет моей деятельности на посту Генерального секретаря ЦК КПСС, затем Председателя Верховного Совета и Президента страны у меня было много встреч с вами и другими представителями прессы. Есть несколько пресс-конференций, которые мне запомнились на всю жизнь. Одна из них — после встречи в Рейкьявике. Сегодняшняя пресс-конференция проходит после событий, которые мне больше всего хотелось бы, чтобы никогда не повторились и чтобы подобных пресс-конференций на эту тему больше не было.

Мы прошли... Я хочу быть точным: прошли или не прошли? Прошли самое трудное испытание за все годы реформирования нашего общества после 1985 года. Мы столкнулись с настоящим — без всяких преувеличений — антиконституционным переворотом, организованном реакционными силами, оказавшимся в самом центре руководства, рядом с Президентом. Эти люди, которых я выдвигал, верил им, доверял, оказались не только участниками, но и организаторами заговора против Президента, против конституционного строя, против перестройки, против народа, против демократии.

18 августа в 17 часов без десяти минут мне сообщили начальники охраны, что прибыла группа лиц, которые требуют встречи со мной. Я сказал, что никого не ожидаю, никого не приглашал и меня никто не ставил об этом в известность. Начальники охраны сказали, что он также ничего не знает. Почему вы тогда пропустили их? Потому что с ними приехал начальник управления охраны госбезопасности Паскаль, ответил он. В другом случае охрана не пропустила бы их к Президенту. Таковы правила. Жесткие, но необходимые.

Я решил уточнить, кто их послал сюда. Поскольку у меня была связь с правительственной, я спросил, кто это. Подполковник, я в кабинете как раз работал, не работает. Поднимаю вторую, третью, четвертую, пятую — тоже нет. Поднимаю внутренний телефон — выключено. Все. Изолирован.

Я понял, что эта миссия будет для меня не той миссией, с которой мы обычно имеем дело. Я позвал жену, дочь, зятя и сказал, что вот — произошло такое событие. Для меня не надо других данных: я вижу, что речь идет об очень серьезном. Видно, или сейчас будет шантажировать, или будет попытка арестовать, уехать, или что-то другое. В общем, все что угодно может быть. Я сказал Раисе Максимовне, Ирине и Анатолию, что если речь будет идти о главном, о политике, о курсе, то я до конца буду занимать свою позицию. Ни на каком шапке, ни на каком давлении, ни на каком давлении не поддаюсь и других решений принимать не буду.

Я считал это нужным сказать, вы понимаете почему: за это может последовать все. И прежде всего для членов семьи. Это мы тоже знаем.

Вся семья высказалась за то, что это должно быть моим решением: они готовы до конца разделить все, что будет. На этом закончился наш совет.

Я пошел, чтобы пригласить прибывших, но они во главе с начальником аппарата Президента Болдыным уже сами поднялись к кабинету — небылава бесцеремонность.

Президенту был предложен ультиматум — передать полномочия вице-президенту. Я говорю: прежде чем я начну отвечать на вопросы, я хочу ответить: «Кто вас послал?» Ответ: «Комитет».

Как рассказывал далее М. С. Горбачев на пресс-конференции, затем произошел такой диалог с заговорщиками:

— Ну вот — комитет в связи с чрезвычайной обстановкой в стране.

— Кто его создал? Я не создавал, Верховный Совет не создавал. Кто его создал?

Речь шла о том, что люди уже объединились и нужен указ Президента. Вопрос перед ним поставлен так или вы издаете указ и оставляете здесь, или передадите полномочия вице-президенту.

— В связи с чем так ставится вопрос?

— Ситуация в стране такая — страна катится к катастрофе, надо принимать меры, нужно чрезвычайное положение — уже другие меры не спасут, нельзя больше предаваться иллюзиям...

И так далее. Я продолжал М. С. Горбачев, состоял в том, что я лучше всех из нас политическую, экономическую, социальную ситуацию в стране, положение людей, их жизнь, все тяготы, которые они несут сейчас. И то, что мы подошли к такой фазе, когда надо делать быстрее и решительнее все то, что нужно для улучшения жизни. Но я решительный противник — не только политическим и моральным соображениям — таких способов решения вопросов, которые всегда приводили к тому, что гибли люди — сотнями, тысячами, миллионами. От этого мы должны навсегда отказаться. Иначе все, что мы начали проводить в жизнь, мы должны предать и похоронить. И опять согласиться с тем, что мы должны пойти на новый кровавый круг.

Поэтому я сказал: и вы, и те, кто вас послал, — авантюристы. Вы погубите себя — ну, это черт с вами, это вы сами, ваше дело, — погубите страну, все то, что мы делаем. Сейчас мы подошли к подписанию договора. Вслед за этим мы — целый мир — будем работать — готовить крупные решения по продовольственным, топливным, финансовым проблемам, с тем чтобы быстрее стабилизировать политическую и экономическую ситуацию, быстрее развивать рыночные процессы. Дать людям больше возможностей расширяться во всех сферах жизни. И это — после того, когда намелось согласие. Да, его не хватало — мы не избавились от подозрений и с той, и с другой стороны. И в отношениях между республиками и центром, и в отношениях между политическим и общественным движением — все это есть. Но единственный путь — искать согласие. Оно появилось, и мы начали продвигаться вперед. Только самоубийцы могут предлагать сейчас ввести тоталитарный режим в стране.

Прозвучало требование: подайте в отставку.

Я говорю: вы не дожидаетесь от меня ни того, ни другого. Передайте это всем тем, кто вас послал сюда. Больше у нас с вами никаких разговоров не будет. Вы можете сказать, что Президент готов немедленно подписать под любой телеграммой. А у нас есть повод — мы подписываем 20 августа новый Союзный договор. Кстати — это был конец восхваления, — я завершил работу над выступлением на этом торжественном акте (в четыре часа вечера еще с Шахназаровым обменивались мнениями, а рядом со мной был другой помощник — Чернышев, но там на беседе не присутствовал). Там мы встретились со многими руководителями, а на 21 августа назначено заседание Совета Федерации: мы будем обсуждать все эти вопросы. Надо договариваться о том, о чем мы не смогли договориться на уровне правительства.

Вот они, центральные вопросы. Там надо добиваться решения, говорю, а не таким путем, как вы хотите. Ну что вы — завтра чрезвычайное положение объявят? Что дальше? Вы хоть спросите: на один день, на четыре часа — что дальше? Страна отвергнет, она не поддержит все эти меры. Вы хотите сыграть на трудностях, на том, что народ устал, что он готов поддержать любое диктаторство.

Кстати, я в эти дни как раз и работал с товарищем Чернышевым над очень крупной статьей — она выровнялась в 32 страницы. И там один из таких сценариев был: И вот его персонаж тут и появился. Моя аргументация по этому сценарию состояла в том, что это — гибель для общества, туши, это отбросит общество и похоронит все, что мы теперь имеем.

Я готов пойти на созыв Съезда народных депутатов, Верховного Совета, раз у части руководства есть сомнения. Давайте собираться, давайте обсуждать. Депутаты все на местах, знают, что там происходит. Давайте принимать чрезвычайные решения, другие меры. Я был остаивать путь согласия, путь к обществу с Западом, три главных направления, их сейчас надо синхронизировать, взаимодополнять. Тем более есть встречные желания народов сотрудничать с нами сейчас, на этом решающем этапе.

Но это был разговор с глухими. Они уже, видимо, были готовы. Машина была заперта — теперь это ясно. Я сказал: все, больше у нас разговора не может быть. Должните, что я выступаю категорически против, что вы потеряли поражение. Но мне страшно за народ и за то, что мы сделали за эти годы... Вот так закончился...

Но после того, как на свой ультиматум они получили мое ультимативное требование доложить мои выводы, все пошло развиваться уже по логике событий. Полная изоляция со стороны моря и суши. Осталось со мной 32 человека из охраны. Они до конца решили стоять, разделили все сферы защиты, включая семью, распределили все места. Когда стало известно, что на пресс-конференции сказано было, будто я тяжело болен и вряд ли вернусь к нормальной жизни, то мне стало ясно, что за этим последует то, чтобы фактически страна синхронно была подведена под это заявление. То же самое поняли и со стороны охраны. И решено было отказаться от заказов пищи и жить на том, что там у нас было под руками. Я был абсолютно потерян, хотя до глубокой ночи и возмущался политическими и безответственными действиями преступников. Был уверен, убежден, что все это так долго продолжаться не может — у них не пройдет.

72 часа сплошной изоляции, борьбы. Я думаю, было все сделано для того, чтобы психологически сломить Президента. Тяжело это же говорить тут... Каждый день, утром и вечером, я выдвигал и передавал требования о том, чтобы связь была восстановлена, чтобы немедленно прибыл самолет и я вылетел в Москву, к месту работы. После пресс-конференции я к этим требованиям добавил, чтобы было опубликовано подробное заявление о состоянии моего здоровья — сообщение этих очень здоровых людей, у которых руки перед вами тряслись, сказал М. С. Горбачев под смех и аплодисменты журналистов. Вы, продолжал я, ставили хорошие вопросы и по-прежнему над нами: это же фарс. Выключено было все. Но —

ребята соображающие — нашли какие-то старые приемники в служебных помещениях, приспособили антенны и начали ловить, что попадет. Лучше всего звучали передачи Би-би-си, «Свободы». Потом появился «Голос Америки», по крайней мере мне так докладывали, ссылаясь на эту информацию.

Далее М. С. Горбачев выразил благодарность советским и иностранным журналистам, сказал, что сделал это и в только что записанном на телевидении обращении к советскому народу. Он отметил, что люди заняли позицию и не пошли на сотрудничество. То, что было сделано, — сделано насильно. Я знаю, сказал Президент, мне уже много рассказывали о том, что творилось. Я хочу сказать здесь перед вами, продолжал М. С. Горбачев, что я — по-настоящему с вами. Все вы увидели, что не зря мы эти шесть лет с таким трудом и в таких трудных и болезненных поисках искали пути движения вперед. Общество отвергло путчистов. Они оказались изолированными. Им не удалось направить армию против народа. Армия вошла в контакт с людьми, и ничего никто не мог сделать. Им стало ясно, что они провалились.

Республики заняли правильную позицию. И здесь я должен воздать должное и на первое место поставить принципиальную позицию российских парламентариев, российских депутатов, российских правительства и выдающихся роль Президента России Бориса Николаевича Ельцина.

Я должен сказать, что сегодня заслуживает того, чтобы мы также воздали должное принципиальной позиции москвичей и ленинградцев, жителей многих других регионов. Попытка создать видимость, что страна пришла к этому, не поддерживала их... Ну, они что-то и нашли — у нас всего сейчас можно найти.

А в принципе страна отвергла этот кровавый путь. Я думаю, лучшего аргумента, большего плебисцита, свидетельства народа о действительной позиции народа, каким-то иным путем трудно получить. Из всех разговоров, которые я имел за эти дни, — а перевернул я уже с президентом Бухем, президентом Миттераном, канцлером Коелем, премьер-министрами Мейсдорфом, Малруи, Хоуком, Кайфур, Андреем, президентом Мубаракком. В общем, кроме Надафаи, Хусейна и Рубикаса. (Смех в зале).

Понимаю, что нелегко идут процессы в Прибалтике, в других республиках, но не видеть, что путь их решения совсем в другой плоскости — это тоже политическая слепота. Вот почему я говорю о Рубике — он пошел и поблизе рассказать о том, что, как мы сказали, он поддерживает этот комитет.

Когда стало ясно, когда такую непримиримую позицию заняли Россия, ее руководство, другие республики, народ, что армия не пошла против него, они в панике начали искать выход.

Мне доложили, что прибыла группа заговорщиков в Крым на президентском самолете с тем, чтобы Президента привести в Москву. Когда они пришли, я сказал: посадите их в дом, возьмите под стражу и передайте мое требование, что я и с кем из них не буду разговаривать до тех пор, пока не будет включена на правительственная связь.

Они сказали, что это долго. Ничего, говорю, мне теперь уже спешить некуда. (Смех в зале).

Была включена связь, и я начал разговаривать со страной. Говорил первым с Борисом Николаевичем Ельциным, позвал Назарбекова, Крайчуку, Деметрону, Каримову. Я им сказал, что стою тут со своим гарнизоном. (Смех). Но так и было: 72 часа в таком страшном напряжении. У охраны сложилось мнение, что нас могут с моря задержать. Но, как стало ясно, наоборот — моряки давали знак Президенту, что они его могут выпустить.

М. С. Горбачев отметил, что фотот не участвовал в акциях заговорщиков.

Потом, сказал он далее, я начал работать. Я дал указание Моисееву принять на себя руководство Министерством обороны — его отозвали из Крыма, — немедленно вернуть все войска в казармы, а места расположения — сообщить, что Язот отстраняется от должности и будет арестован.

Все это было сделано. Я нашел команданта Кремля и спросил, в чем подчиненный полк Комитета госбезопасности, потребовал вызвать командира полка. Вызвали. По телефону дал указание: никому не подчиняться, кроме меня и команданта Кремля. Он сказал: «Так и будет».

В общем, я начал обзванивать все самые важные точки, чтобы перекрыть сразу все, потому что все это было еще опасно. Могли уничтожить и по пути, и где угодно. Я решил не выезжать.

Потом мне сказали, что летит самолет с делегацией Российской Федерации. Я сказал, что буду прежде всего принимать их. Связался с министром Павликовым, связался с Моисеевым, сказал, чтобы их самолет посадил не в Симферополе (иначе три часа будут ехать до меня), а на военном аэродроме. Дал команду встретить их, организовать транспорт, чтобы привезли. Приехала делегация, мы поговорили и обнаружили большое понимание. Думаю, то, что мы пережили, прибавило нам всем не только опыта, но и понимания. Вот что значит, когда демократические силы объединены, и что значит, когда они разъединены. Ведь мы можем иногда

на каком-то вопросе друг друга лбы парашить и объявлять друг друга чуть ли не врагами.

Мы, сказал далее Президент, начали думать о том, как перебраться. Потом мне потребовалось сделать еще много указаний. Прибыли отсюда Ивашко и Лукьянов. Дожились, хотя им не давали транспорт. Их я принял. Заговорщики я не принимал и не принимал, и не видел их, и не хочу их видеть. Мы их разделили по самолетам, привезли, а при выходе из самолета все были арестованы и изолированы. Я дал команду в Кремль коменданту — никого не пускать из тех, кто сотрудничал с ними.

Назавтра я назначил встречу руководителям девяти республик, выработавших договор и подготовивших его к подписанию. Завтра мы встретимся и должны все обсудить.

Тяжелые уроки, лично для меня — тяжелейшие. Это просто моя тяжелая травма, признался Михаил Сергеевич.

Думаю, что завтра мы выйдем на обсуждение, обдумывание и выработку позиций по главным вопросам движения вперед и новым шагам. Надо видеть в этом не только беду, которая нас постигла, но и огромный шанс, который показала эти события. Они показали истинную позицию нашего народа.

В разговорах с руководителями республик, государствами, всем нам надо быть очень внимательными, уроки для всех есть, потому что пользовались поводом, остротой, иногда бесцеремонностью, которая в газетах была, — что, вот, дескать, кто идет на смену, народ пугает, вот, ползет диктатура с той стороны. А с другой — другая.

Дав краткий анализ расстановки политических сил в обществе на различных этапах перестройки, Президент продолжал отвечать: мы подошли сейчас к решающему этапу перемен. Власть меняется, отношения собственности меняются, федерация меняется. Уже близко подписание было нового Союзного договора. И не случайно то, что сделано, произошло накануне подписания договора. Отсюда и острота схваток. Это надо всем понять, извлечь из случайных уроки.

В этой ситуации все спешит и спорит, и противники, и сторонники, и подходы, варианты не только выдвигались, но и публично выдвигались, в том числе и на Съезде народных депутатов — слышали: «Долой Президента!» Были и призывы создать некий «комитет общественного спасения». Тут нет никакой новизны.

Я же видел свою задачу в том, чтобы сохранить курс перестройки. Впервые в истории этой страны стремился все решать бескровным путем, на основе согласия. Убежден в этом, до конца буду на том стоить!

Президента СССР спрашивают, как он относится к указам и постановлениям Президента России Б. Н. Ельцина, принятым на чрезвычайной сессии Верховного Совета РСФСР в дни кризиса.

Считаю, что в той обстановке российские действовали, исходя из высших интересов. То, что они принимали, было продиктовано этой ситуацией, ответил М. С. Горбачев.

Журналисты просят Президента высказать свое личное отношение к организаторам путча.

Я уже сказал, что случилось — это урок и для меня, ответил М. С. Горбачев. В частности, вижу, что Съезд народных депутатов СССР был прав, когда он с первого захода не избрал вице-президента, а я настоял.

Это моя ошибка, не единственная. Я это вижу теперь. Скажу также открыто, я особенно возмущен Язую и Крючкову.

— Как после всего этого изменились Вы сами. Ваше поведение? — спрашивают один из присутствующих.

Мои выводы, говорит М. С. Горбачев, — решительно продвигать вперед реформы. Для этого нужна перегруппировка сил. Этим надо заняться немедленно. Без этого не будет согласованности действий, и мы не обеспечим продвижения реформ.

Один из вопросов касается позиции КПСС в дни кризиса. Журналист, задавший этот вопрос, считает, что партия не имеет права в критический момент уйти в сторону, отключиться. Ответил ли такой политический организм сегодняшним требованиям?

Считаю, что — один из важнейших вопросов, заявил Президент. Это та реальность, которую мы должны видеть, знать, понимать. Выход мой, буду делать все, что в моих силах, для того, чтобы изгнать из КПСС реакционные силы. На основе новой Программы, считаю, есть возможность объединить все прогрессивное, все лучшее, думающее в партии. Поэтому, когда в целом о партии говорят как о реакционной силе, я с этим не согласен. Знаю тысячи людей в ее рядах — настоящие демократы, приверженцы нашей борьбе. И не слышу, не чувствую. Это должно ясно обозначить новая Программа КПСС. Никакого не согласия, чтобы Программа утратила тех, кто тоскует по старым временам.

Потому мы должны сделать все для того, чтобы реформировалась сама партия, чтобы она стала живой силой перестройки. Что касается позиций коммунистов, в том числе и по отношению к случайным, то, за исключением некоторых комитетов, они во многих случаях, особенно

нашим образом, чтобы действовала власть, чтобы согласованные действия нарастали. Нельзя терять времени, есть программа, надо двигаться вперед, решать проблемы. Это самое главное.

Десятки взметнувшихся рук свидетельствуют о том, сколько у прессы вопросов к Президенту СССР. Один из первых сводится к следующему: почему в окружении главы государства оказались люди, способные на такие?

Мы никогда не должны забывать, в каком обществе осуществляются реформы, причем в таких масштабах, с такой глубиной и размахом, сказал М. С. Горбачев. Это своеобразие нашей страны. То, что в ней происходило в течение десятилетий, даже столетий, диктует не только темпы, глубину преобразований, но и способы, формы решения избранных задач.

Я прямо скажу, что на первых этапах, пока мы не создали общественное мнение, демократическую обстановку в стране, вот такой поворот мог бы увенчаться успехом. И моя задача все эти годы была провести, сохранить и спасти этот политический курс.

На последних этапах положение изменилось коренным образом. Во-первых, после XIX Всесоюзной партконференции пошли глубокие демократические процессы, создавалась другая атмосфера. А затем — выборы и, конечно, гласность. И, конечно, — пресса (даже при всей той направленности и неуравновешенности, что есть и то было в последние дни). Вчера тоже, между прочим, со мной связалась из российского Союза журналистов группа журналистов. Я сказал: всем нам надо быть очень внимательными, уроки для всех есть, потому что пользовались поводом, остротой, иногда бесцеремонностью, которая в газетах была, — что, вот, дескать, кто идет на смену, народ пугает, вот, ползет диктатура с той стороны. А с другой — другая.

Кроме политических, звучит «чистый личный» вопрос: как пережили вместе с Вами эти три тяжелых дня Раиса Максимовна и члены Вашей семьи?

Лучше всех пережила Анастасия, внучка, ответил Михаил Сергеевич. Она ничего не понимала и бегала, требовала вести ее на море... И приходило вести. Но в последние дни охрана потребовала, чтобы этого не было. Поэтому что может произойти все что угодно. Поэтому мы, так сказать, окопались, закупились. Тяжело пережили все эти Раиса Максимовна и дочь, вчера с Раисой Максимовной было плохо, но, кажется, это — эпизод.

Снова возникает вопрос, авторы которых пытаются понять: что же двигало заговорщиками? Это лидеры той части общества, которая не желает, боится перемен, говорит Президент. У нас в стране — системный кризис, но мы выходим из него.

Один из участников пресс-конференции выразил опасения, что подобные «сценарии» могут иметь продолжение. В этой связи ставится, в частности, вопрос о месте и роли служб охраны Президента в структуре Комитета государственной безопасности СССР, о положении средств массовой информации, их истинной свободе.

Что касается служб охраны, то я не считал этот вопрос настолько важным, чтобы заниматься им сейчас, в это напряженное время. Я к этому отношусь, вообще спокойно, ответил М. С. Горбачев. Может быть, есть смысл подумать над этой проблемой, однако и сейчас считаю — не она главная.

Важнее вопрос относительно роли средств массовой информации. Вообще не вижу иного пути, как сохранить завоевания демократии на этом направлении, без этого, думаю, не было бы того, что произошло в нашем народе в эти дни, когда он встал стеной на пути диктатуры, если бы так активно наряду с народом не выступила демократическая пресса. Хочу, чтобы и в будущем не было уроками этих событий.

Нам нужна политическая культура, при которой возможен конструктивный политический диалог. Я — за такой диалог. Однако не могу принять бесцеремонности, бестактности, которые проявляются порой в работе средств массовой информации. Страшно не терять хамства в прессе по отношению к человеку. Особенно если человек эти принципы придерживается иного мнения.

Какой уж тут диалог! Культура и ответственность не поведут ни политическим движением, ни политической борьбе, ни самой прессе. Убежден, что самое большое воздействие оказывают аргументированные выступления. Я их ценю даже тогда, когда не разделяю авторских позиций, подчеркиваю Президент. Нужен анализ, а не политическая трескотня.

Один из вопросов касается выхода из КПСС А. Н. Яковлева. Уж в отпуске узнал из прессы, каким образом решила ЦКК вопрос в отношении Яковлева, ответил М. С. Горбачев. Это еще раз говорит о том, что действительно предостояла тяжелая борьба за обновление самой партии. Ведь даже не было разговора с А. Н. Яковлевым. Значит, партия живет ненормально. Об этом следует сказать.

Но и сам Александр Николаевич, думаю, поспешит. А мне он говорил, что будет до конца бороться за реформирование партии. Жалею, что уходит силы, которые должны внести свой вклад в то, чтобы реформировать партию. Вижу собственную роль в этом и не собираюсь сдавать позиций. Я на них остаюсь. Но не покину и на какие-то уступки в принципиальных вопросах. Они проявились в проекте новой Программы КПСС. До конца буду бороться за обновление партии. Препятствий для встреч и бесед с А. Н. Яковлевым с моей стороны нет. Тем более для встреч с теми, с кем я много соли съел.

— Российский парламент называет А. И. Лукьянова одним из идеологов неудавшегося переворота. Как Вы оцениваете его роль? — спросил Президента СССР.

Я беседовал с ним, ответил М. С. Горбачев. Он рассказал о действиях, шагах, которые принимал в данной обстановке. Я принял к сведению все эти заявления. Думаю, мы должны все друг друга сказать, чтобы не было недоразумений. Нельзя допустить, чтобы в руководстве страны вновь возникла ситуация, подобная нынешней. Она способна вернуть общество в катастрофу.

Потому сейчас, когда я говорю о перегруппировке сил, надо подтянуть те силы, которые привержены до конца курсу преобразований и будут за это бороться. Я думаю, что все позиции будут обсуждены и в Верховном Совете СССР, и на Съезде народных депутатов. То же и с позицией А. И. Лукьянова: нужно рассмотреть, что в ней есть ценное, конструктивное, а что — неприемлемо. Надо послушать и его самого.

Следующий вопрос вновь касается ситуации в КПСС. Могут ли в ней возростать консервативные силы, возможен ли уход из нее самого М. С. Горбачева, в случае если обновление партии не произойдет?

Я отношусь к людям, которые никогда не скрывали своих позиций, напомнил Президент. Являюсь убежденным приверженцем социалистической идеи. Эта идея пробивает дорогу на протяжении многих веков. У нее много сторонников, они возглавляют правительства ряда государств. Есть разные течения, социалистического движения, ибо оно — не какая-то модель, кодекс, под которую надо подогнать и общество. Нет, это идея, именно идея, которая включает в себя ценности, выработанные в ходе более справедливого общества, лучшего мира. Это идея, которая питается и многими достижениями христианства, других философских течений. Я рассуждаю как демократ, поскольку не может быть социалистической идеи без демократии, без правильного и надежного решения социальных вопросов. Рассуждая на эту тему, нельзя обращаться лишь к тому, к чему привела реализация сталинской модели организации общества. Какое это имеет отношение к социалистической идее?

